

Я присела на диван и скептически уставилась на Дариана, раздумывая, как бы начать расспрос о происходящем, но он словно прочитал мои мысли и решил облегчить мне задачу.

— Спрашивай, о чем хочешь, я постараюсь ответить на любой твой вопрос. Тебе в любом случае не отвертеться от меня, так как ты единственная меня слышишь и видишь. Знала бы ты, как я устал от того, что не могу поговорить даже с простым прохожим... — Сказал он, а после резко прервался, не решаясь рассказывать что-то до моих вопросов.

Я просидела минут пять с опущенными вниз глазами, а после все же просто прямо попросила рассказать всю его историю.

Обдумав свой рассказ всего несколько секунд, Дариан начал.

— Я родился в Лос-Анджелесе в 2000 году. Мои родители были прекрасными людьми из знатного испанского рода, владельцами огромной компании, производящей морской транспорт. Они, и я вместе с ними, часто переезжали в другие страны, где искали что-то родное: место, где мы могли бы прижиться и остаться навсегда. Вскоре они выбрали Францию, а я в то время ничего не понимал, разницы для меня не было в этих странах, городах... В Париже я вырос, учился, общался со сверстниками, но в какой-то момент, я даже не помню в какой, все изменилось. Всё, что меня окружало, стало другим, таким далёким. — Его голос вновь резко прервался, что я часто уже за ним замечала. Вскоре он продолжил свой рассказ: рассказал мне о предательстве его любимой девушки, о «восстании» против него друзей, дурных слухах. В общем обо всём, что мешало нормально жить подросткам, только в ещё большей степени. Я прекрасно понимала, что многое он утаивал или пропускал, наверное, это было для него самым страшным, но я не винила его за это, а относилась с пониманием. Весь рассказ я выслушивала молча и с интересом, раздумывая над каждым моментом, рассказанным им о его жизни. Что я безошибочно точно смогла понять, так это то, что он был очень ранимым человеком. Ему просто нужен был тот, на кого он всегда мог бы положиться.

Дариан — это такой тип людей, которые не способны были предать или разбить человеку сердце, ну просто не умеют этого делать. Его родители вскоре обанкротились, перестали делать что-либо для поддержания хорошей жизни, забыли обо всем, поэтому юноше не хватало родительской заботы, не хватало простых вопросов «как прошёл день?», когда он приходил со школы. Каждый день, не в силах терпеть всего происходящего дома, он вынужден был проводить время на улице совсем один.

Я заметила, посмотрев в маленькое зеркальце, лежащее на диване, что по моим щекам катились сверкающие слёзы жалости, но после я посмотрела на голубоглазого парня, находящегося возле меня — он улыбался. Улыбался так нежно, будто рассказывал мне о лучшем времени своей жизни. В этом была его сила. Насколько бы он не был сломлен, насколько бы не кричал в душе, на лице его всегда оставалась тёплая улыбка, способная заменить целое солнце.

Рассказ был окончен. Я не смогла спросить его о смерти, посчитав это более личным, чем вся эта история. Мысль от того, что он не рассказывал мне самое страшное, самое глубоко ранящее, вгоняла меня в ужас, ведь если он не рассказал об этом сейчас, значит, что те события были ещё страшнее и больнее. Но мне просто нельзя было думать об этом ещё хоть секунду. Если честно, я даже не могла вспомнить, когда до этого последний раз плакала. Что

со мной стало?

Время очень быстро пролетело, мне уже хотелось лечь в свою кровать и сладко заснуть, ведь следующим намечался такой же забитый день, как и почти каждый. Я совсем не знала, куда можно было деть призрачного парня. Он был умен и мог понять, что засыпать в его присутствии мне было бы, мягко говоря, не слишком комфортно. Вскоре мы договорились, что ночами он будет улетать куда-нибудь, чтобы я могла спокойно спать, а утром или вечером — возвращаться.

Наступило время, когда я уже настолько сильно хотела спать, что не могла боле держаться. Я завалилась на кровать, укрылась теплым одеяльцем и чуть прикрыла глаза. Сказав «спокойной ночи», Дариан собрался покинуть мою квартиру, но напоследок я решила остановить его, дабы задать один вопрос.

— Дариан? — начала я.

— Да? — ответил он.

— Почему ты так счастливо улыбался, когда рассказывал мне такие грустные вещи?

Юноша остановился, обернулся и улыбнулся мне так же тепло, как и тогда, решив ответить риторическим вопросом.

— Может тебе будет трудно это представить, но попробуй... Будь ты призраком, которого никто не слышит, через которого все пробегают, даже не замечая, была бы ты грустна, если бы нашёлся какой-нибудь красивый и понимающий парень (как ты), с которым ты могла бы общаться днями напролет, который не выгнал бы тебя сразу из своей жизни?

После этих слов он ушёл. Теперь я чувствовала себя такой же счастливой, как и он. Может, по-разному, но мы всегда были одиноки. Пора было признать, что я всегда нуждалась в таком друге и человеке, как Дариан.

\*\*\*

Прозвенел звонок. Я опаздывала на свою вторую пару, потому что на небольшой перемене ходила поест в соседнюю столовую, которая находилась не так далеко от моего университета, всего лишь где-то за 150 метров.

Училась я в парижском университете на факультете искусств. Ранее я выбрала этот университет и факультет, потому что всю свою жизнь обожала рисовать, с детства мечтала стать знаменитой и особенной художницей. Эта мечта до сих пор занимала одно из немногих пыльных местечек в моей душе, которое я не забила недобрыми философскими размышлениями. Я всегда знала, что природой мне были даны навыки рисования, видение художника, умение правильно преобразить и оживить нарисованное, но почти все мои картины имели слишком негативное содержание, а если говорить кратко, они не подошли бы ни на какие выставки, а уж тем более масштабные конкурсы.

Наконец я зашла в аудиторию, промямлила что-то вроде «извините за опоздание» и села за свободное место, что находилось подальше от других мест, где сидели мои однокурсники. Всю первую часть пары профессор рассказывал о великих людях, повлиявших на современное искусство. Вряд ли кто-либо слушал эти его рассказы, скорее все говорили вместе с ним одновременно те же слова, ведь за учебу уже успели выучить наизусть его любимую тему, даже не готовясь к ней дома.

Только я закрыла глаза и начала засыпать, как услышала тихий голос, шепчущий моё имя. Этот голос я узнала бы среди тысячи, нет, даже среди миллиона или миллиарда людей: такой нежный, высокий мужской тембр с добавками какой-то резкости. Меня звал Дариан, который не дотерпел, кажется, до вечера, поэтому решил явиться сюда, прямо в аудиторию, где я и находилась. От удивления я совсем забыла, что сидела на паре, а вокруг меня находилось множество людей, включая самого профессора, поэтому начала громко разговаривать: расспрашивать голубоглазого призрака о том, как же он нашёл место моей учёбы. Он молчал и все время странно подводил указательный палец к губам, а я все говорила громче и громче, в конце концов заорав на всю аудиторию. Только тогда я вспомнила, где нахожусь. Только тогда поняла, что Дариан лишь призывал меня к тишине, при чем старался делать это очень вежливо, но на его лице я все же видела морщинки раздражения по причине моего непонимания. И что случилось в итоге? В итоге профессор выгнал меня из аудитории, решив, что во время пары я очень громко разговаривала по телефону, специально проявляя таким образом наглость и неуважение. Такого не было никогда, ведь я всегда молчала и внимательно слушала (признаться честно, не всегда достаточно внимательно) профессора, о чем он и упомянул, пока я собирала вещи в маленький коричневый рюкзачок. Сегодня должно было быть всего три пары, а до конца второй оставалось ещё целых 35 минут, поэтому я решила не ждать, а просто прогулять оставшееся учебное время.

Спустя какое-то время мы с Дарианом вернулись ко мне домой. Оказалось, чтобы найти меня, ему пришлось посетить множество парижских университетов. Он даже намеревался сдать экзамен и вернуться обратно, но ему повезло: он нашел меня в последнем из учреждений, где, как и сказал, он совсем не думал меня встретить.

— Так ты рисуешь? — Перебил мои мысли парень вопросом, на который после ответил мысленно сам, одновременно рассматривая альбомы с рисунками, что я дала ему для ознакомления с моим творчеством. — Красиво. А портреты пишешь? Призраков, например? — Продолжил Дариан, соорудив ту самую наглую гримасу с ухмылкой на лице, что уже была мне известна. Я поняла его намек: он хотел, чтобы я написала его портрет. Это было неплохой идеей, потому что я считала, что лишний раз мне не мешало бы потренироваться и отработать какие-либо сложные художественные приёмы. Я кивнула ему в знак согласия с его не прямо сказанным предложением и начала готовить все нужное для рисования.